СОГЛАСИЕ НА ОБРАБОТКУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК ОДНОСТОРОННЯЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ СДЕЛКА

Реймова Гульзивар Алишеровна
E-mail: reymovagulzivar@gmail.com

Аннотация. В статье обосновывается квалификация согласия на обработку персональных данных как особой управомочивающей односторонней гражданско-правовой сделки и раскрывается практическое значение этого вывода. Показано, что именно такая квалификация позволяет применять к согласию учение о действительности сделок и о пороках воли, в силу чего манипулятивные приёмы его получения в цифровых интерфейсах («тёмные паттерны») должны рассматриваться как основание недействительности согласия по статьям 122–123 Гражданского кодекса Республики Узбекистан. На основе сравнительно-правового анализа предложены критерии разграничения действительного и порочного согласия и меры по их законодательному закреплению.

Ключевые слова: согласие, персональные данные, односторонняя сделка, порок воли, недействительность, тёмные паттерны, информационное самоопределение.

Введение. Проблема недействительности согласия на обработку персональных данных остаётся на периферии отечественной цивилистики, тогда как именно она образует практическое ядро всей конструкции согласия. Без ответа на вопрос, при каких условиях согласие порочно и какие последствия это влечёт, провозглашённые права субъекта данных остаются декларативными. Современная зарубежная наука прямо говорит о «кризисе согласия» и его фиктивности в цифровой среде [16]. Настоящее исследование исходит из положения о том, что согласие представляет собой особую управомочивающую одностороннюю гражданско-правовую сделку, и ставит целью показать, что из этой квалификации вытекает действенный механизм защиты субъекта данных через институт пороков воли.

Воля и волеизъявление в структуре согласия. Концептуальной основой согласия выступает право личности самостоятельно определять судьбу сведений о себе, то есть информационное самоопределение, истоки которого восходят к классическому учению о праве быть оставленным в покое [24] и получили развитие в концепциях информационного контроля и ценности приватности [25; 6]. В теории гражданского права действительность сделки предполагает единство воли и волеизъявления: воля есть внутреннее намерение лица, волеизъявление его внешнее выражение. Разрыв между ними влечёт порочность сделки. Специфика согласия в цифровой среде состоит в том, что такой разрыв возникает здесь значительно чаще, чем в традиционном обороте. Причина в структурной асимметрии: оператор полностью контролирует архитектуру интерфейса, через который формируется и выражается воля пользователя. Поведенческие исследования подтверждают, что решения индивида о раскрытии данных крайне чувствительны к контексту и способу подачи информации [4], а экономическая модель крупнейших цифровых платформ прямо основана на извлечении поведенческих данных [26].

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

«Тёмные паттерны» как порок воли. Наиболее распространённым проявлением этой асимметрии выступают «тёмные паттерны» (dark patterns) приёмы дизайна, подталкивающие пользователя к согласию вопреки его подлинной воле: визуальное выделение кнопки согласия при затруднении отказа, многоступенчатая процедура отказа против одношагового согласия, формулировки с двойным отрицанием, заранее проставленные отметки. Каждый приём в отдельности незначителен, однако в совокупности они систематически смещают выбор пользователя, превращая согласие в результат манипуляции, а не свободного самоопределения. Европейский комитет по защите данных квалифицировал подобные практики как нарушение принципа добровольности [11]. С позиций гражданского права такие приёмы должны получить строгую квалификацию. Если интерфейс создаёт у субъекта ложное представление о характере или последствиях действия, налицо заблуждение, имеющее существенное значение (статья 122 Гражданского кодекса). Если оператор намеренно вводит пользователя в заблуждение относительно целей обработки или объёма передаваемых данных, речь идёт об обмане (статья 123). И в том, и в другом случае согласие как сделка является оспоримым. Тем самым классический институт пороков воли получает новую сферу применения, а правоприменитель готовый инструмент защиты [1].

Сравнительно-правовой анализ. Предлагаемый подход подтверждается практикой Суда Европейского союза, имеющей для Республики Узбекистан значение убедительного ориентира. В деле Planet49 Суд признал недействительным согласие, выраженное заранее проставленной галочкой, поскольку из пассивного поведения не следует активного волеизъявления [7]. В деле Orange România недействительным признано согласие, включённое в договор как обязательное условие, как лишённое свободы выбора [8]. Оба решения отражают единую логику: порок процедуры формирования воли влечёт недействительность согласия независимо от его формальной полученности. Этот вывод согласуется с доктринальным анализом автоматизированной обработки и профилирования [23; 12; 13] и с общим сравнительным обзором европейского регулирования [9; 5; 22].

Критерии действительности и исключение конклюдентного согласия. Разграничение действительного и порочного согласия требует чётких критериев. Международный стандарт формирует четыре критерия: согласие должно быть свободным, конкретным, информированным и однозначным [3]. Критерий однозначности имеет особое значение: он исключает признание согласия из конклюдентных действий, поскольку молчание, бездействие и простое пользование сервисом согласием не являются. Это принципиально отличает согласие от ряда иных сделок и исключает саму возможность «подразумеваемого» согласия, которым нередко оправдываются манипулятивные практики. Концепция контекстуальной целостности показывает, что правомерность обработки определяется соответствием ожиданиям субъекта в конкретном контексте [14], а не формальным фактом проставления отметки.

Последствия недействительности. Признание согласия недействительным влечёт гражданско-правовые последствия: обработка лишается правового основания, оператор обязан прекратить её и уничтожить данные при отсутствии иного законного основания. Субъект вправе требовать прекращения обработки, удаления сведений, в том числе ранее распространённых, а также компенсации нематериального вреда, самостоятельность которого обоснована в современной доктрине [21]. Общие вопросы недействительности сделок применительно к национальному правопорядку, выводы которых применимы и к согласию, исследованы в работе

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

С.А. Джакишева [10]. Попытки же рассматривать данные как объект собственности [15; 17] сталкиваются с неотчуждаемостью личных неимущественных благ и потому не могут служить основой искомой конструкции.

Предложения. Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд предложений. Во-первых, целесообразно закрепить в статье 21 Закона Республики Узбекистан «О персональных данных» четыре критерия действительности согласия, а также прямое указание на то, что заранее проставленные отметки, молчание и бездействие согласием не являются [2]. Во-вторых, следует установить запрет на использование интерфейсов, затрудняющих отказ либо вводящих субъекта в заблуждение относительно последствий его действий, возложив бремя доказывания факта получения надлежащего согласия на оператора. В-третьих, на уровне правоприменения обоснованно дополнить постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан о недействительности сделок разъяснением о том, что применение манипулятивных приёмов получения согласия может служить основанием признания его недействительным как сделки, совершённой под влиянием заблуждения или обмана.

Заключение. Квалификация согласия как односторонней сделки является прямым практическим измерением, открывая доступ к институту пороков воли и недействительности сделок. Это позволяет перенести защиту субъекта персональных данных с преимущественно административного механизма на полноценный гражданско-правовой, обеспечивающий реальное восстановление нарушенного права и соответствующий современным международным стандартам [19; 18].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **I. Нормативно-правовые акты**
2. 1. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation). // Official Journal of the European Union. L 119. 04.05.2016
3. Гражданский кодекс Республики Узбекистан часть первая от 21.12.1995г. // https://lex.uz/docs/111181
4. Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» от 02.07.2019 г. № ЗРУ-547 // Национальная база данных законодательства, 03.07.2019 г., № 03/19/547/3363 // https://lex.uz/docs/4396428
5. **II. Научная литература и судебная практика**
6. Acquisti, A., Brandimarte, L., & Loewenstein, G. (2015). Privacy and human behavior in the age of information. Science, 347(6221), 509–514. https://doi.org/10.1126/science.aaa1465
7. Bygrave, L. A. (2014). Data privacy law: An international perspective. Oxford University Press.
8. Cohen, J. E. (2013). What privacy is for. Harvard Law Review, 126(7), 1904–1933.
9. Court of Justice of the European Union. (2019). Case C-673/17, Planet49 GmbH v. Bundesverband der Verbraucherzentralen und Verbraucherverbände. Judgment of 1 October 2019.
10. Court of Justice of the European Union. (2020). Case C-61/19, Orange România SA v. ANSPDCP. Judgment of 11 November 2020.
11. Custers, B., Dechesne, F., Sears, A. M., Tani, T., & van der Hof, S. (2018). A comparison of data protection legislation and policies across the EU. Computer Law & Security Review, 34(2), 234–243. https://doi.org/10.1016/j.clsr.2017.09.001

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

12. Dzhakishev, S. A. (2010). Nedeystvitel'nost' sdelki po zakonodatel'stvu Respubliki Uzbekistan [Invalidity of a transaction under the legislation of the Republic of Uzbekistan] [Abstract of candidate dissertation]. Almaty.
13. European Data Protection Board. (2022). Guidelines 3/2022 on dark patterns in social media platform interfaces (Version 2.0). https://edpb.europa.eu
14. Malgieri, G., & Comandé, G. (2017). Why a right to legibility of automated decision-making exists in the General Data Protection Regulation. International Data Privacy Law, 7(4), 243–265. https://doi.org/10.1093/idpl/ipx019
15. Mantelero, A. (2018). AI and Big Data: A blueprint for a human rights, social and ethical impact assessment. Computer Law & Security Review, 34(4), 754–772. https://doi.org/10.1016/j.clsr.2018.05.017
16. Nissenbaum, H. (2004). Privacy as contextual integrity. Washington Law Review, 79(1), 119–157.
17. Posner, R. A. (1981). The economics of privacy. American Economic Review, 71(2), 405–409.
18. Schermer, B. W., Custers, B., & van der Hof, S. (2014). The crisis of consent: How stronger legal protection may lead to weaker consent in data protection. Ethics and Information Technology, 16(2), 171–182. https://doi.org/10.1007/s10676-014-9343-8
19. Schwartz, P. M. (2004). Property, privacy, and personal data. Harvard Law Review, 117(7), 2056–2128.
20. Solove, D. J. (2006). A taxonomy of privacy. University of Pennsylvania Law Review, 154(3), 477–564.
21. Solove, D. J. (2008). Understanding privacy. Harvard University Press.
22. Solove, D. J. (2024). Murky consent: An approach to the fictions of consent in privacy law. Boston University Law Review, 104, 593–639.
23. Solove, D. J., & Citron, D. K. (2022). Privacy harms. Boston University Law Review, 102, 793–863.
24. Voigt, P., & von dem Bussche, A. (2017). The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A practical guide. Springer.
25. Wachter, S., & Mittelstadt, B. (2019). A right to reasonable inferences: Re-thinking data protection law in the age of Big Data and AI. Columbia Business Law Review, 2019(2), 494–620.
26. Warren, S. D., & Brandeis, L. D. (1890). The right to privacy. Harvard Law Review, 4(5), 193–220.
27. Westin, A. F. (1967). Privacy and freedom. Atheneum.
28. Zuboff, S. (2019). The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power. PublicAffairs.

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.